

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желания не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее
Ничего не возьму с собой
Когда ад замерзнет

АЛЛА
ПОЛНСКАЯ

НАЙТИ СВОЙ
ОСТРОВ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Полянская, Алла.
П54 Найти свой остров : роман / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-110813-7

С самого детства все считали Нику немного не от мира сего, но открытая душа и доброе сердце с лихвой компенсировали все ее странности. Вот и сейчас, увидев, как упавший с моста автомобиль медленно уходит под воду, она, ни секунды не раздумывая, бросилась на хрупкий лед и вытащила из тонущей машины водителя и пассажиров... Максим Матвеев был поражен: как одна женщина смогла спасти от верной гибели троих сильных мужчин? Но гораздо больше его волновал другой вопрос — кто подстроил аварию? А на следующий день на Нику напали, она сама чудом осталась жива. Теперь уже Матвеев знал: простой благодарностью дело не ограничится, он пойдет на все, но выяснит, кому она могла помешать. Он еще не подозревал, что встреча с Никой вовсе не была случайной и их судьбы связаны между собой гораздо крепче любых уз...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Copyright © PR-Prime Company, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
Эксмо», 2020
ISBN 978-5-04-110813-7

1

Ника опаздывала. Она знала, что опаздывает, и тем не менее завозилась с завтраком, потому что Марк любит поесть свежей еды после школы. Потом пыталась рисовать что-то на лице, но все равно из зеркальца смотрели на нее заполосные синие глаза, и толку от косметики не было. И когда она совсем уж было плюнула на это дело, оказалось, что куда-то запропастились серьги, именно те, что были нужны, и ключи от машины оказались не в тарелке, стоящей в прихожей на тумбочке — мама поставила специально для ключей, — а бог знает где... вот, в кармане полущубка. В общем, Ника опаздывала.

— Мам, ты где? — Голос сына в трубке был требовательный и совсем взрослый. — Мам!

— Не кричи, я еще дома, но опаздываю, а на трассе небось снег, скользко... Марек, прошу тебя, после школы сразу домой.

— Я знаю, мам. Ты сама будь осторожна. Если придет Евгения, я ее выгоню, так и знай.

— Марк, ты невыносим. Надеюсь, я донесла это до твоего подросткового сознания. Евгения несчастная тетка, и ты...

— И я ее спущу с лестницы, как только она появится.

— Но...

— То, что она — твоя сестра, во-первых, не доказано, во-вторых, это ничего для меня не значит. Пусть больше не появляется в нашем доме. А ее контакты в твоём телефоне я вчера занес в чёрный список. Все, мать, езжай и не дергайся, и не влипни снова в историю, я тебя прошу.

Трубка умолкла, и Ника, чертыхнувшись, запихнула ее в карман полушубка. Достать что-то из списка в своём телефоне она не знает как — Марек воспользовался ее абсолютной технической чайниковостью.

Ника села в машину, бросила сумку на переднее сиденье и расстегнула полушубок. Она любила свою машинку, она любила ездить — «Хонда» была частью дома, а Нике очень важно чувствовать себя комфортно, но чувство это возникало только тогда, когда она не соприкасалась с согражданами где бы то ни было. Не то чтобы ее раздражали люди, однако присутствие чужих вызывало у нее тревогу и дискомфорт. И благодаря машине вот уже пять лет она не знала, что такое общественный транспорт.

— Ника, ты выехала? — Леркин голос в трубке был вполне сонный.

— Нет, прогреваю мотор. Но мыслями уже в пути. Я успею, Лера, не дергайся.

— Знаю, как ты успеваешь... будешь лететь по трассе, как три Шумахера, а там скользко и снег.

— Безусловно. Но важен результат. Все, я выезжаю, перезвоню, когда все сделаю.

Ника положила трубку на пассажирское сиденье рядом с сумкой и вздохнула. Что ж, с богом. Ездить зимой, конечно, никакого счастья — и хотя на календаре конец ноября, неделю как зарядил снег, а значит — зима, мало ли что там на календаре... И ездить стало скользко, и граждане водители часто ведут себя как последние свиньи, но это лучше, чем общественный транспорт со спрессовавшимся запахом

чужих тел, одежды, еще непонятно чего — и присутствием абсолютно посторонних людей, которые что-то жуют, сопят, разговаривают... да просто находятся рядом, и Ника вынуждена делать вид, что все ОК и она нормально к этому относится. Хотя эта ситуация вызывала в ней смесь страха, раздражения, брезгливости и протеста.

И так было всегда. Вокзалы, толпы людей, чужие запахи — все это с детства пугало Нику, в душе вдруг поднимала голову тоска, невесть откуда взявшаяся, безнадежная, как зима. Ника потеряла запястье — отчего-то всегда при таких мыслях у нее начинало болеть левое запястье. Мама говорила, что когда Ника была совсем маленькой, она упала и сломала руку в этом месте, и ее долго лечили. Ника совершенно не помнит этого факта, хотя, если вдуматься, что-то всплывает в памяти — но воспоминания эти тоже всегда ее пугали, и она научилась прогонять их, и со временем эти воспоминания перестали всплывать, однако если захотеть... но она не хочет.

Дорога забита машинами — город не большой, но и не маленький, и полмиллиона граждан зимой превращаются в потенциальных пациентов больниц и клиентов автосервиса, а улицы — в ловушку для машин и пешеходов. Ника досадливо морщится — конечно, после вчерашнего снегопада никто и не подумал расчистить дороги и тротуары: пешеходы уныло бредут по протоптанным в снегу тропинкам, увязают в сугробах вокруг дорог, автомобили ползут с черепашьей скоростью, стараясь соблюдать максимальную дистанцию — мало радости, не успев затормозить, стукнуть чужую машину и разбить свою. Ника даже поежилась от такой перспективы: подумать страшно, в какую сумму может вылиться подобное происшествие, а деньги с неба не падают, копеечка тяжелеет с каждым днем.

Повернув на светофоре, Ника наконец вырулила на трассу за городом. Глянув на часы, прибавила скорости — ее ждут через сорок минут, и хотя ехать не так чтоб далеко, однако по скользкой дороге, утрамбованной фурами, это не очень приятно.

— Такое плевое, казалось бы, дело — и тащись за тридевять земель! Вот народ у нас... Это можно решить только при личной встрече, как будто интернета нет.

Ника переключилась на пятую скорость и попробовала обогнать фуру. Встречка пустая, но машина скользит по обледеневшей дороге, и Ника с трудом удерживает руль. Водитель фуры, заметив ее маневр, решил позабавиться и принял влево, перегородив Нике маленький промежуток между ее полосой и встречной. Ника, чертыхнувшись, выехала на встречку и прибавила скорость. Водитель фуры сделал то же самое, не давая Нике обогнать его. Видимо, ему стало скучно, а может, просто натура у мужика говнистая — Ника часто сталкивалась с таким поведением водителей-мужчин по отношению к себе. Словно им обидно, что женщины тоже стали водить машины. Самое приличное, что можно услышать от них, это сакраментальное «баба за рулем — как обезьяна с гранатой». Хотя Ника замечала не раз, что женщины водят и осторожнее, и лучше. Видимо, оттого, что каждая из них ставит целью вернуться домой, к детям, в то время как мужчина, получив в распоряжение автомобиль, очень часто начинает самоутверждаться. Одному обидно, что у кого-то тачка дороже, чем у него, другому немислимо, чтоб его обогнали на трассе, третий считает, что раз выложил за автомобиль бюджет развивающейся страны, остальные участники движения должны называть его Белым господином и падать ниц при его приближении... Все эти мужские комплексы, страхи, ча-

сто даже импотенция или неудачи в карьере выплескиваются на дорогу, и Ника давно решила для себя, что на больных людей обижаться не имеет смысла, а больным она считала всякого, кто, вместо того чтобы нормально ехать, принимается что-то доказывать остальным. И она иногда выбирала такого нервного водителя и доводила его до иступления, вытворяя на дороге именно то, на что тот реагирует. Вот и сейчас, выжав педаль газа и крепко вцепившись в руль, Ника обогнала фуру, едва не вылетев в кювет, и прибавила скорость. Она знала, что сейчас будет: обиженный кретин за рулем начнет ее догонять, прижимать и обгонять, и эти догонялки свободно могут привести их обоих в больничную палату, а то и в морг, только Нике этого не надо, а тому, за рулем фуры, гораздо важнее доказать ей, бабе за рулем, что он здесь главный.

— Скорее всего, ты, тварь, тупое быдловатое чмо с черными ногтями, ни хрена не умеющее ни в жизни, ни в койке. — Ника иногда разговаривала вот так, словно оппонент мог ее услышать. — Небось подбираешь плечевых, а дома строишь жену, попрекая ее каждой копейкой и проверяя ее сотовый на предмет посторонних эсэмэсок и звонков.

Глянув в зеркало заднего вида, Ника ухмыльнулась — так и есть, фура догоняла ее. Водитель, забыв о снеге и скользкой дороге, несся за ней во весь опор, и Ника, зная эту трассу как свой карман, хихикнула. Через полкилометра начнется длинный поворот — дорога выгнется, и обогнать там кого бы то ни было без риска перевернуться практически невозможно. Навстречу ей проехал грузовик с логотипом известного хлебозавода, потом несколько легковушек — а вот и начало поворота.

— Укуси себя за задницу, урод, — Ника снова глянула в зеркало заднего вида. — Будешь теперь ехать за мной, никуда не денешься.

Но водитель фуры так не думал. Ника сбавила скорость — войти в радиус поворота нужно осторожно, иначе можно вылететь на встречу либо и вовсе в кювет кувырком. Призвав на помощь всех богов, она повела машину осторожней, и в это время фура, двигаясь сзади, принялась ее обгонять, вздымая фонтаны грязного снега. Ника добавила скорость — если он обгонит ее, то прицепом заденет обязательно и смоемся, а от нее мокрого места не останется. Понимает ли это водитель фуры, Нике уже было неинтересно, потому что в данный момент речь шла о ее жизни. Сжав руль как можно крепче, она вынырнула перед фурой и, чувствуя, что машина скоро перестанет слушаться, выжала педаль газа до упора.

— Идиот проклятый...

Ее противник такого хамства пережить не мог. Но тяжело груженная фура и легковая машина — это совсем не одно и то же. Навстречу им двигалась такая же фура, но с боками, разрисованными запотевшими бокалами с пивом, абсолютно устрашающе выглядывшими зимой. Впереди маячил железнодорожный переезд с надписью «Канцеровка», а уж оттуда Нике рукой подать до ее цели. Сзади слышится грохот — водитель фуры, все это время догонявший Нику, обуреваемый страстным желанием доказать, что он — мужик, зацепил краем прицепа идущую навстречу фуру. Ника съехала на обочину, ткнувшись носом в сугроб, остановилась и, не глуша двигатель, вылезла из машины. Фуры, сцепившись накрепко, перегородили дорогу, прицеп той, что догоняла Нику, упал набок, и машина выглядела как объевшаяся сороконожка. Водители, выбравшись из кабин, уже начали выяснять, кто из них сексуальное меньшинство, и по

всему выходило, что к разряду мужеложцев общим голосованием был причислен водитель, решивший устроить гонки. Ника ухмыльнулась — сейчас его уже не волнует вопрос доказательства своего гендерного превосходства, потому что беседа перестала быть томной.

— Да, это типа Рэмбо — первая кровь. — Ника с удовольствием понаблюдала, как шофер пострадавшей фуры объясняет оппоненту, насколько тот не прав. — Сейчас полиция прибудет и испортит всю потеху, да...

Ника села в машину и, немного сдав назад, снова выехала на дорогу. Обычно ее пиратство на трассе не имело столь разрушительных последствий, но на этот раз она была собой вполне довольна. Зло наказано, а на встречу она, похоже, все-таки успевает.

Ника никогда не любила маленькие городки. И хотя сама жила в сравнительно небольшом городе, но это был все-таки именно город — между Питером и Москвой, — с несколькими работающими предприятиями, с улицами и бульварами, парками и фонтанами, старой церковью около краеведческого музея и несколькими новыми, и даже старый католический храм, свежееотремонтированный, с иглолочки, высился недалеко от дома, где живет она с Марком. В этот храм ходила бабушка — и Ника ходила с ней, да и сейчас случается, что заходит — хотя свою принадлежность к какой-либо конфессии не осознает. Просто ходит иногда в храм, где немногочисленная паства сидит на скамейках — может, молятся, может, думают каждый о своем, и отец Ян Собило, молодой еще, опрятный ксендз, вещает на ломаном русском о тернистом пути греха. Нике нравится этот храм — и статуя Девы Марии, молодой красивой женщины со скорбным лицом, и ряды скамеек, сидя на которых можно думать о душе и Боге, а не о гудящих от

стояния ногах. Ей нравится, что никто не дергает ее за рукав с яростным шипением — платок надень, бестыжая! — как будто наличие или отсутствие платка что-то меняет в ней для Бога. Она мало понимает во всех этих тонкостях вокруг тела и крови Христовой, которыми надо причащаться, и всегда избегает этого, как и исповедальни, — хотя отец Ян иногда вопросительно поглядывает на нее, но Ника считает, что она с Богом и так на достаточно короткой ноге, чтобы впутывать в их отношения еще кого-то. В общем, чаще она приходит в костел, когда там никого нет.

Ника миновала переезд и вслед за другими машинами свернула направо, но, в отличие от остальных, которых свернуть вынудили обстоятельства, она именно туда и направлялась. Городок Красный Маяк, маленький, невзрачный — фактически поселок, и нечего ему примазываться к городам, но Нике нужно именно сюда, здесь ее ждали дела.

— А ведь будет метель, — она нахмурилась. — Вот гадство...

Это означало, учитывая пробку перед переездом, которую отчасти она же сама и сотворила, что заночевать ей, возможно, придется в гостинице. Не самый худший вариант, но очень уж денег жаль.

Ника ввалилась в вестибюль заводоуправления, на ходу расстегивая полушубок.

— Вы вовремя, Алексей Петрович вас уже ждет.

Конечно, вовремя... Ника вспомнила свои приключения на дороге и накрепко дала себе слово не говорить об этом ни одной живой душе, особенно Марку. Вот ведь напасть: кому-то Бог дает золотые руки, кому-то — быстрые ноги, а ей от щедрот своих выделил задницу, которая притягивает всякие приключения как магнит. И хотя из всех передрыг она выходит абсолютно невредимой — каким-то загадоч-

ным образом, — но лучше бы передряги обходили ее стороной.

«Все, отныне буду жить тихо и добропорядочно».

Идя за секретаршей, которая в своем нежно-розовом элегантном костюме являла собой эталон добропорядочности, Ника мысленно чертыхнулась — надо было надеть что-то более сложное, чем просто джинсы и свитер. Впрочем, все остальное в ее гардеробе примерно того же свойства, и, по словам мамы, никак не подходит женщине сорока лет. Ну да бог с ними вовсе, с этими шмотками. Ника никогда не любила деловые костюмы, платья из каких-то немислимых светлых тканей — она сразу же сажала на них пятна, мяла, да и смотрелись они на ней как на корове седло.

Жаль, что родители всю жизнь пытаются это исправить, втиснуть ее в какие-то им самим только и понятные рамки, они это называют «жить как люди». Ника считала, что все эти «люди» страшные зануды: они думают только определенным образом, поступают только так и не иначе, одеваются в кошмарно неудобные одежды, в общем, быть «как люди» она отказывалась категорически, сколько себя помнит. Вот Женька, та — да, она в социум вписывалась мгновенно. Ей не приходилось объяснять, что нужно поступать «как люди», — она всегда знала, как они поступают, и сама всегда делала все правильно. Ника же в категорию «людей» не попадала в принципе, и это огорчало родителей, а ее огорчало только потому, что этот факт огорчал их.

И только бабушка принимала ее такой, какая она есть, да еще Лерка с Марком.

Правда, если бы Ника дала себе труд подумать об этом дольше, она бы поняла то, что давно поняла ее давняя подруга Лерка, с которой они когда-то решили замутить бизнес, и та часто отсылала ее на

переговоры одну, потому что цифры-то посчитать дело нехитрое, а вот уломать, например, директора стеклозавода, выпускающего строго типовые, одобренные советом директоров или кем-то там еще изделия, изготовить для них под заказ нужное им, да еще за цену, которую они в состоянии заплатить, — это могла только Ника. Но она сама этого не знала.

На двери блестящая табличка — Булатов Алексей Петрович, директор. Нике понравилась фамилия директора — что-то в ней было от древней жизни. Да и сам директор, высокий мужчина лет сорока пяти, с темными, коротко подстриженными волосами, с внимательными светлыми глазами, в сером костюме и синем галстуке, выделяющемся на белоснежной рубашке, тоже ей понравился. Была в нем какая-то надежность, нечто такое, что не во всяком мужчине можно встретить, а Нике подобные и вовсе ни разу не попадались, даже во временное пользование.

— Значит, вы хотите, чтобы я попросил рабочих бросить все дела и изготовить для вас фигурки кошек, вазочки, украшенные этими фигурками, и еще кучу всякой дребедени, цена которой — копейка, а возни с ней...

— Ой, я и не знала, что все так сложно... — Ника расстроилась и мысленно обругала Лерку, ведь абсолютно прав этот мужик, что ж, рабочие все бросят и будут им фигурки лепить? Или как там их надо делать... — Я никогда не видела, как это изготавливают. Знаете, в детстве я кокнула мамину любимую вазу, сидела над ней и мечтала стать стекольной королевой, умеющей исцелять разбитые вазы. И я так себе это представила, что мне показалось, ваза вот-вот склеится, но она не склеилась, конечно, прибежала сестра и наябедничала на меня... Вы меня извините, это глупо, конечно, я вас отрываю от дел... Но, может быть, я смогу хоть одним глазком поглядеть, как

у вас все это делается? Нет, наверное, нельзя, у вас тут все серьезно... Знаете, я и правда думала, что это будет красиво: расставить все эти фигурки кошек, нет, можно было бы их купить, но это не то совсем, вы же понимаете. А тут моя партнерша нашла в интернете информацию о вашем заводе, вот мы и... Ой, блин, смотрите, снег какой!

— Да, снег. — Алексей Петрович удивленно взглянул на взлохмаченную посетительницу. — И какой!

Они одновременно подошли к окну и посмотрели на падающий снег.

— Так у вас клуб?

— Нет, это не то чтобы клуб. Это арт-кафе, понимаете — музыканты там, художники, поэты. Ну, и так, граждане, конечно. Мы хотели сделать что-то очень... богемное. Назвали «Маленький Париж» — почти шесть лет нам уже, и вдруг мы решили добавить что-то новое — нам удалось расширить помещение, и я как-то так все представила... Мы с Леркой это обсуждали много раз, и она согласилась, что так будет красиво, но где это заказать? Ну, и вот я здесь. Знаете, у нас ведь не просто люди поесть приходят — у нас собираются как в клуб по интересам, а не в том понимании, что в нынешние ночные клубы. У нас клубные карточки есть, вечера проводятся, людям нравится, знаете, все-таки не интернетом единым и телевизором...

— Да, тут вы правы.

Алексей Петрович незаметно рассматривает посетительницу. Высокая, полноватая, с небрежно причесанной копной густых светлых волос — и видно, что они от природы такие светлые, потому что кое-где, если присмотреться, видна седина. Одета в простые синие джинсы и голубой свитер, обтягивающий ее фигуру, на шее — неожиданно элегантный золотой кулон с жемчугом, в ушах — серьги, тоже с жемчугом.